

Это была счастливая весенняя ночь. В два часа ночи Цао Е перевернулся и сел, собираясь встать с кровати, Линь Хуань, лежавшая рядом, не открывая глаз спросила:

— Идёшь в душ?

Цао Е ответил:

— М.

— Молодые люди действительно обладают большой физической силой, — томно произнесла Линь Хуань. — Иди, а я пока потихоньку приду в себя, мне совсем не хочется двигаться.

— Какие ещё молодые люди? — усмехнулся Цао Е.

— Ты старше меня всего на два года.

— Два года — это достаточно много.

— Правда? — Цао Е внезапно заинтересовался разговором: передумал вставать с кровати и повернулся уточнить:

— И в чём же разница?

— Разница, хм... — Линь Хуань лениво повернула голову и посмотрела на него из-под ресниц. — Нас нельзя сравнивать: мы разного пола.

— Но ведь ты наверняка спала с кем-то своего возраста?

—Хм... дай-ка подумать. Последние два года нет, но раньше да.

—С кем? — в голове Цао Е промелькнуло имя, и он произнёс его вслух. — Лян Сычжэ?

Линь Хуань улыбнулась и промолчала.

— Я прав? — Цао Е придвинулся и сжал её подбородок. — Ты спала с Лян Сычжэ?

— Можно нежнее? — Линь Хуань попыталась уклониться от его руки. — Разве ты не собирался в душ? Иди уже.

— Позволь спросить, — Цао Е не дал ей вывернуться, — Лян Сычжэ или я? Кто из нас лучше в постели? Говори, — Цао Е наклонился вперёд и потянул за одеяло.

Линь Хуань пыталась спрятаться под одеялом, но спастись от Цао Е было невозможно, и она пропищала:

— Ты, ты лучше...

Цао Е ещё пару минут дурачился с ней, но это быстро наскучило. Он перевернулся и встал с кровати. Не успели его ноги коснуться пола, как Линь Хуань выглянула из-под одеяла и сообщила:

— Вообще-то Лян Сычжэ немного лучше, — и тут же спряталась обратно.

— Чёрт! — воскликнул Цао Е. — Ты серьёзно?

Раздался смех Линь Хуань, приглушённый одеялом:

— Тебе пора в душ.

Цао Е в этот раз не стал его стягивать, а лишь присел на край кровати и, наклонившись, спросил:

— Ты правда спала с Лян Сычжэ?

— Тебе какое дело? — ответила Линь Хуань.

— Не верю, — Цао Е встал с кровати и, слегка раздражённый, направился в ванную. Ополоснувшись, Цао Е подумал, что в его мозгу на секунду произошло короткое замыкание. «Кто лучше, Лян Сычжэ или я?» Как он мог задать такой вопрос? От одной мысли, что они с Лян Сычжэ переспали с одной и той же женщиной, он почувствовал... удушье? Отвращение? Тошноту? Ни одно слово не подходило... Как Лян Сычжэ ведёт себя в постели? Чёрт, подождите. Как он мог подумать об этом? Цао Е поспешил выкинуть эти картины из головы. Ему было совершенно неинтересно представлять, какими бывают другие мужчины в постели. Ладно, зачем я снова об этом подумал? Неужели это никогда не закончится? Цао Е, раздосадованный, взял полотенце и быстро вытерся.

Когда он вышел из ванной, Линь Хуань всё ещё лежала на кровати и выглядела такой вялой, словно ещё не восстановила силы. Она, услышав приближающиеся шаги, открыла глаза и спросила:

— Уже уходишь?

— Уже третий час ночи, — ответил Цао Е.

— Остайся, — сказала Линь Хуань, но она знала, что Цао Е не останется. Никогда не

оставался. Он всегда уходил, как только они заканчивали.

— Лучше не надо, я не привык спать с кем-то рядом, — Цао Е, как и ожидалось, тут же отказал ей и, наклонившись, поднял свои рваные джинсы. — Не смогу заснуть.

— Ладно, — согласилась Линь Хуань и заговорила о другом. — Ты сегодня ужинал с Лян Сычжэ из-за «Рокового выбора»?

— А как же иначе, — ответил Цао Е.

— Как всё прошло? Он согласился сниматься?

— Трудно сказать. Нужно подождать.

— А как же... — Линь Хуань потеряла мысль, любуясь телом Цао Е. Оно притягивало взгляд, как магнитом: сильное, с рельефными мышцами и плавными линиями. С трудом стряхнув это наваждение, Линь Хуань неуверенно предложила:

— Помочь тебе его уговорить?

Цао Е посмотрел на неё. На нём были только джинсы, торс оставался обнажённым.

— Сможешь его убедить? Не знал, что у вас такие хорошие отношения.

— Мы — самые горькие отношения в индустрии развлечений, — рассмеялась Линь Хуань. — А ты думал, это просто шутка?

— Ты же не спала с Лян Сычжэ раньше? — Цао Е нахмурился.

— Угадай, — Линь Хуань посмотрела на него, наклонив голову к плечу.

— Угадай, — передразнил её Цао Е. — Не учись у Лян Сычжэ, — он нырнул в свою чёрную толстовку, а затем договорил, понизив голос: — Лучше бы ты этого не делала. Меня тошнит от одной мысли об этом.

— Думаешь, я подражаю Лян Сычжэ, говоря «угадай»... Эй, а знаешь, — Линь Хуань вдруг села, почувствовав прилив энергии, — что Лян Сычжэ играл женщину? Тогда кто-то посмотрел фильм и сказал: «Что это за женский образ у Лян Сычжэ, такой знакомый? На кого же он похож? В конце концов кто-то догадался: «На Линь Хуань!» — Линь Хуань засмеялась. — Я специально посмотрела — действительно очень похож! Ты видел?

— Нет. И в чём сходство? — Цао Е наблюдал за Линь Хуань, пока та говорила.

— Трудно описать, но получилось очень похоже на меня, — Линь Хуань снова откинулась на подушки, всё ещё хихикая. — Это очень смешно.

— Что это был за фильм?

— «Красный мужчина, красная женщина». Его же снял твой отец, ты что, не смотрел?

— А я должен смотреть всё, что снял мой отец? — Цао Е закончил одеваться и взял свой мобильник, лежащий на подушке. — Я ухожу.

— Ты правда уходишь? — Линь Хуань приподнялась на локтях и окликнула его, когда он направился к двери. — Эй, Цао Е. Подожди.

— Что ещё? — протянул Цао Е, не оборачиваясь.

— Почему ты сегодня всё спрашиваешь о моём прошлом с Лян Сычжэ? Ревнуешь?

Линь Хуань села на кровати, придерживая одеяло на груди. Каштановые кудри кольцами рассыпались по плечам. Сейчас она выглядела не как звезда с экрана, а как чистая и невинная девушка. — Если не хочешь, чтобы я виделась с Лян Сычжэ, постараюсь впредь избегать его.

Цао Е с усмешкой отвернулся, не скрывая безразличия.

— Когда я тебе это запрещал? Делай что хочешь. Вы оба кинозвёзды — это тесная кухня, избегать друг друга будет слишком утомительно.

— Но если ты ревнуешь, значит, я тебе нравлюсь, — прямолинейно заявила Линь Хуань. — Как насчёт того, чтобы стать немного серьёзнее и попробовать встречаться?

— Хуань-цзе, — Цао Е приоткрыл дверь и облокотился на дверной косяк. Уголки его рта изогнула слабая улыбка, он выглядел небрежно и беззаботно. — Ты хоть понимаешь, что говоришь? Тебе пора спать. Будь умницей.

Сказав это, он вышел, закрыв за собой дверь без малейшего колебания.

Белая подушка тяжело, но беззвучно шлёпнулась о дверь, но Цао Е знать не знал об этом. Он шёл легко и быстро, ничуть не тяготясь словами Линь Хуань. Он был уверен, что она прекрасно поняла: между ними всё кончено. Таково было негласное правило: в их отношениях не могло быть и речи о настоящих чувствах. Если говорить об эмоциях, Цао Е был слегка раздосадован необходимостью поисков нового партнёра для секса. Процесс этот был довольно хлопотным.

До сегодняшней ночи Линь Хуань была идеальной партнершей: жизнерадостная, не приставучая, мастерица в постели. Кроме риска быть сфотографированными вдвоем не было ничего, что могло бы осложнить ситуацию. Фото, появившиеся в сети, были достаточно

неприятны. Фотосъёмка, случившаяся полмесяца назад, уже заставила Цао Е задуматься о расставании. Он не любил, когда его беспокоили, не любил усложнять простые вещи.

Секс — один из основных инстинктов человека. Приходилось скрываться, избегать внимания, но разве это не противоречило человеческой природе? Взаимное желание превратилось в прелюбодеяние... Неважно была ли страстной или захватывающей их история — в глазах людей это очередная банальная интрижка.

Тем не менее, он понимал осторожность Линь Хуань. В их обществе к актрисам предъявлялись гораздо более жёсткие требования, чем к актёрам. Если бы Линь Хуань вела себя, как Лян Сычжэ, время от времени попадая в любовные скандалы, её репутация была бы разрушена. Зрителям нравится такое медийное безумие, но никто не хочет быть в центре этого безумия. Это было справедливо даже для Лян Сычжэ.

—

Папарацци сегодня и впрямь не удалось раздобыть никаких взрывоопасных новостей. Лян Сычжэ подъехал прямо к входу в офис Yunchu Entertainment. Было очевидным, что он пришёл к Сю Юньчу обсудить работу. Подойдя к главной двери офиса, Лян Сычжэ поднял руку и опустил капюшон, показав лицо системе распознавания лиц. Автоматические двери плавно открылись. Он вошёл, пересёк просторный холл, повернул в самый конец, в личный кабинет Сю Юньчу, и постучал: тук-тук-тук.

— Войдите, — донеслось изнутри.

Лян Сычжэ толкнул дверь и вошёл. Сюй Юньчу сидела за столом лицом к компьютеру. Её палец прокручивал колесико мыши, и она выглядела так, будто работала над чем-то. Она даже не подняла головы, когда услышала звук открывающейся двери.

— С самолёта сразу в офис? — Лян Сычжэ подошёл к столу и наклонился, чтобы заглянуть в монитор. — Юньчу, ты так предана работе.

Он сел на вращающийся стул и откинулся на спинку, расслабленно скрестив длинные ноги. Только тогда Сюй Юньчу наконец посмотрела на него.

— Согласно плану, сейчас я должна бы нежиться на солнышке на пляже.

Улыбаясь, Лян Сычжэ кивнул.

— Прости, что нарушил твой отдых. Серьёзно, эту работу можно было передать сяо Сун, не нужно было возвращаться лично.

— Достаточно, Сычжэ. Не надо общаться со мной как со СМИ, — Сюй Юньчу чуть не рассмеялась от досады. — Когда ты хоть раз по-настоящему извинялся передо мной?

— Хочешь правду? — Лян Сычжэ приподнял бровь и, задумавшись на мгновение, выдал: — Хм... довольно регулярно.

— Я не верю тебе. Не смотри так. Думаешь, после стольких лет у меня всё ещё нет иммунитета к этим твоим шуточкам?

— Вот это действительно ранит моё сердце, — отведя глаза, Лян Сычжэ улыбнулся, встал и направился к винному шкафу. Открыв дверцу, он пробежался пальцами по бутылкам и сказал: — Ты вернулась в такой спешке, но всё же не забыла привезти вино...

— Не съезжай с темы. Скажи честно, почему ты хочешь сниматься в «Роковом выборе»? Продюсеры связались со мной, когда Хуан Цяньши впервые попал в беду, и я сразу отказала им. Я не думала, что через два дня они обойдут меня и свяжутся с тобой напрямую. Сычжэ, ты понимаешь, что это значит? — Сюй Юньчу посмотрела на спину Лян Сычжэ. — Это значит, что все знают о моей некомпетентности в этой сфере.

Лян Сычжэ держал в руках какую-то бутылку и уже собирался достать её, как вдруг остановился, услышав её слова.

— Как такое может быть?

— Такова реальность. И, кроме того, ты, действительно, принял предложение.

— Прости. Я не подумал.

— Нет-нет-нет, не извиняйся передо мной. Моя некомпетентность не главное. Я просто хочу знать, почему ты решил взяться за этот фильм. С точки зрения агента, у тебя нет никаких причин принимать это предложение. Не будем обсуждать всякие «подбирать остатки» или «замена» — это для непосвящённых. Во-первых, это пересъёмки, твоё участие будет ограничено уже готовыми кадрами, большинство сцен ты будешь играть с зелёным экраном и дублёром. Во-вторых, Хуан Цяньши только что переехал на материк. Он купил множество материалов для пиара, заявляя, что постепенно захватит твой рынок. Теперь его арестовали, а ты объявляешь, что будешь играть его роль. Как ты думаешь, какое впечатление это произведёт на людей? Они подумают, что тебя действительно волнуют все эти разговоры...

Лян Сычжэ, взяв с полки нож-бабочку, сосредоточенно срезал зубчатым лезвием пластиковый колпачок с бутылки вина.

Услышав её слова, он спросил:

— Почему эти разговоры не могут меня волновать?

— Потому что раньше тебя это никогда не волновало. Почему ты должен брать на себя то, что тебя не касается? И ещё: «возвращение долга», о котором ты говорил в аэропорту, — что это значит? Ты делаешь это только для того, чтобы отплатить Цао Сююаню?

— Нет, — Лян Сычжэ налил красное вино в высокий бокал. Почувствовав, что Сюй Юнчу ждёт продолжения разговора, он поставил бутылку на стол и, глядя ей в глаза, честно сказал: — Ладно. Это для Цао Е.

— О, сын Цао Сююаня, — Сюй Юньчу не удивилась. — Раз Цао Сююань заметил тебя и помог тебе, будешь помогать всем восемнадцати поколениям его предков и потомков, если они попросят тебя о чём-то?

— Не злись больше. Я действительно недостаточно хорошо всё обдумал, — Лян Сычжэ придвинул к ней бокал с вином, наклонился и оперся о стол. Глядя ей в глаза, он успокаивающе сказал. — Выпей этот бокал, а затем я отвезу тебя домой отдохнуть. Мы ещё поговорим об этом, когда ты адаптируешься к смене часовых поясов.

Его голос был низким и глубоким, словно он пытался проникнуть в чей-то разум. Для борьбы с прессой одни методы, для Сюй Юньчу — другие. Тембр его голоса был слишком ласков, и даже Сюй Юньчу, привыкшая к его манерам, не могла больше злиться. Опираясь на локти, она помассировала виски и спросила:

— Сычжэ, когда ты перестанешь быть таким импульсивным?

— Это в последний раз.

— Сколько сотен раз я уже слышала от тебя эти слова? — спросила Сюй Юньчу, усмехаясь.

— Если тебе очень интересно, сегодня ночью посчитаю и скажу тебе.

— Какая напускная покорность, — сказала Сюй Юньчу. У неё разболелась голова. Она помолчала, словно размышляя о чём-то, а через мгновение беспомощно покачала головой. Затем подняла бокал, приготовленный Лян Сычжэ, наклонила голову и под взглядом Лян Сычжэ осушила его до дна. Она не могла справиться с Лян Сычжэ. Это знали все — как в отрасли, так и за её пределами.

<http://bllate.org/book/12811/1130213>